

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО CIVIL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.15/18

Дата поступления: 02.03.2021
рецензирования: 12.04.2021
принятия: 25.05.2021

Публичные интересы как основание для получения и использования генетических данных человека без его согласия

Ю. С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: povus@mail.ru

Аннотация: В статье системно исследуется проблематика сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни (включая генетические данные) без согласия субъекта данных под предлогом наличия публичных интересов. Соответствующее законоположение (абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ) подвергается тщательному критическому анализу в ракурсе: а) выявления его соотношения с нормой абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, предусматривающей генеральный запрет на несогласованные операции с указанной информацией; б) широты и неопределенности содержания (в том числе по мотиву отсутствия какой-либо дифференциации регламентации, исходя из вида совершаемых по поводу информации действий, а также оценочности понятия «публичный интерес»). Отталкиваясь от тезиса о нецелесообразности безусловного отказа от использования категории «публичный интерес», автор подчеркивает актуальность формулирования и законодательной фиксации «алгоритмов» признания факта наличия публичного интереса (с учетом положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а равно установления ограничений субъектного, целевого, организационного и иного характера для случаев сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни в публичных интересах. Особое внимание уделяется вопросу о добровольности участия лиц в запланированной всеобщей генетической паспортизации населения России (при этом подчеркивается, что игнорирование принципа согласия не может быть объяснено только ссылкой на присутствие публичного интереса).

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; конфиденциальность информации; генетическая (геномная) информация; публичные интересы; согласие на получение и использование информации.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Цитирование. Поваров Ю. С. Публичные интересы как основание для получения и использования генетических данных человека без его согласия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Поваров Ю. С., 2021

Юрий Сергеевич Поваров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Предприятие как объект гражданских прав». Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий «Особенности правового положения гражданина-банкрота: цивилистический и нотариальный аспекты» (2020), «Согласие третьего лица на совершение сделки» (2018), «Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью: порядок принятия и нотариального удостоверения» (2017).

Область научных интересов: юридико-фактическая основа гражданских правоотношений, акты децентрализованного регулирования частных отношений, проблемы корпоративного и жилищного права.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.03.2021
Revised: 12.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Public interests as a basis for the genetic information obtaining and using without consent of the person

Iu. S. Povarov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: povus@mail.ru

Abstract: The article systematically examines the collection, storage, dissemination and use of information about private life (including genetic data) without the consent of the data subject under the pretext of having public interests. The relevant legal provision (Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation) is subjected to a thorough critical analysis from the perspective of: a) identifying its relationship with the norm of the Civil Code of the Russian Federation, which provides for a general ban on uncoordinated transactions with the specified information; b) the breadth and uncertainty of the content (including due to the absence of any differentiation of regulation based on the type of actions performed on the information, as well as the evaluative nature of the concept of «public interest»). Based on the thesis about the inexpediency of unconditional refusal to use the category of «public interest», the author emphasizes the relevance of the formulation and legislative fixation of «algorithms» for recognizing the fact of the presence of public interest (taking into account the provisions of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation), as well as the establishment of restrictions of a subject, target, organizational and other nature for the collection, storage, dissemination and use of information about private life in the public interest. Particular attention is paid to the issue of the voluntary participation of individuals in the planned general genetic passporting of the population of Russia (it is emphasized that ignoring the principle of consent cannot be explained only by referring to the presence of public interest).

Key words: privacy; confidentiality of information; genetic (genomic) information; public interests; consent to receive and use information.

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project № 18-29-14073.

Citation. Povarov Iu. S. *Publichnyye interesy kak osnovaniye dlya polucheniya i ispol'zovaniya geneticheskikh dannykh cheloveka bez ego soglasiya* [Public interests as a basis for the genetic information obtaining and using without consent of the person]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Povarov Iu. S., 2021

Iurii S. Povarov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Enterprise as an object of civil rights». Author of over 300 scientific papers, including monographs «Peculiarities of the legal status of a bankrupt citizen: civil and notarial aspects» (2020), «Consent of a third party to the transaction» (2018), «Decision of the general meeting of participants of a limited liability company: the procedure for acceptance and notarization» (2017).

Research interests: legal-factual basis of civil legal relations, acts of decentralized regulation of private relations, problems of corporate and housing law.

Важными и тесно взаимосвязанными (а в отдельных компонентах – пересекающимися, несмотря на законодательную «акцентуацию»¹) нематериальными благами, охраняемыми с помощью в том числе цивилистического правового инструментария, выступают неприкосновенность частной жизни физического лица, его личная и семейная тайна (см. ст. 150, 152.2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Воспринимаемый сегодня почти как априорный (а на самом деле – «выстраданный» в ходе длительной борьбы за права и свободы человека) постулат о необходимости всемерной и эффективной юридической защиты означенных ценностей органично сопрягается с трактовкой частной жизни в качестве области жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу и, при условии ее непротивоправного характера, не подлежит контролю со стороны общества и государства (определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2005 г. № 248-О²).

Корневое положение, резонно образующее нормативный каркас института охраны частной жизни гражданина в его гражданско-правовом «воплощении» (который, в свою очередь, фундируется на предписаниях ст. 23, 24 Конституции РФ, призван-

ных гарантировать естественный интерес частного лица в обеспечении приватности (см. определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О), «суверенитета» и автономии личности), сводится к **генеральному запрету сбора, хранения, распространения и использования любой информации о частной жизни индивида без «санкции» последнего** (абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ); тем самым, «право гражданина на неприкосновенность частной жизни, – по точному заявлению В. Д. Рузановой, – неразрывно связано с *режимом сведений* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю. П.] о его частной жизни» [1, с. 18], в рамках которого сугубо субъект данных, руководствуясь собственными соображениями (действуя своей волей и в своем интересе), должен определять, когда, как и в какой степени информация о нем станет доступной третьим лицам [2, с. 7]. В целом гармонична и понятна лаконичность (содержательная емкость) приведенной законодательной формулы, ибо отношения, возникающие в сфере частной жизни, как верно заключается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П, не могут быть подвергнуты *интенсивному* правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов.

Научный прорыв в области генетики (по факту – «генетическая революция») порождает новые и весьма серьезные вызовы и угрозы для действенной охраны частной жизни граждан.

¹ Примечательно, что в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ к информации о частной жизни причисляются, в том числе, сведения о личной и семейной жизни.

² Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Сказанное обуславливается тем, что генетическая (геномная) информация, будучи «определяющим фактором морфологического строения, роста, развития, обмена веществ, психического склада, предрасположенности к заболеваниям и генетическим порокам организма» [3, с. 640] и касаясь «самого глубокого и потаенного биологического “измерения” личности – ее генетического наследия» [4, с. 147], приобретает огромное идентификационное и прогностическое значение, причем в разных секторах (поскольку она может использоваться и в медицинских, и в неклинических целях); неконтролируемое же владение посторонними лицами сведениями о генетической конституции определенного субъекта способно почти «обнулить» его право на приватность (сверх того особый статус генетических сведений, как справедливо констатируется в Международной декларации о генетических данных человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 октября 2003 г.³ (далее – Декларация 2003 г.), детерминируется и тем, что они могут оказывать сильное воздействие на протяжении нескольких поколений на семью, включая потомков, а порою – и на целую группу, в которой принадлежит соответствующее лицо). Поэтому взвешенность (по существу) утверждений о принадлежности геномной информации – в срезе гражданско-правовой регламентации – к нематериальным благам [4, с. 145; 5, с. 27] и об уместности экстраполяции на нее, учитывая социальную, индивидуальную и коммерческую ценность, в том числе режима тайны частной жизни [3, с. 644], практически бесспорна. В Декларации 2003 г., кстати, также рельефно постулируется, что сбор, обработка, использование и хранение генетических данных (причем и публичными, и частными структурами) заведомо предполагают дачу предварительного, свободного, осознанного и ясно выраженного согласия (см. ст. 2, 9, 14, 21 и др.).

Обсуждаемое универсальное предписание ГК РФ не является, в версии отечественного законодателя, абсолютно непреложным – *изъятия* из него (т. е. случаи правомерного отхода от режима согласования), согласно абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, *могут быть предусмотрены законом*, при этом:

а) речь идет не о любых нормативных правовых актах, а исключительно о *федеральных законах* (это корреспондирует, среди прочего, «циркуляру» о легитимности ограничения гражданских прав только на основании федерального закона (см. п. 2 ст. 1 ГК РФ));

б) отступление от «стандарта» должно подкрепляться *прямой* законодательной оговоркой (употребление в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ слова «прямо», конечно, усиливает категоричность требований к охране частной жизни, тем более что подобное словоупотребление в ГК РФ не является сверхчастотным).

Таким образом, принципиальная допустимость установления нормотворцем случаев сбора и «оборота» сведений о частной жизни вне зависимости

³URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl-conv> (дата обращения: 22.01.2021).

от желания их носителя несколько «уравновешивается» введением требований к уровню и степени конкретности нормирования изъятий (они должны быть предельно высокими).

Специальные вариации «нейтрализации» действия анализируемой рестриктивной нормы закреплены непосредственно в ГК РФ. В частности, в силу абз. 2 п. 1 ст. 152.2 гражданско-правового кодификационного акта **не считаются нарушением запрета получение и «оборот» информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или других публичных интересах.**

Отметим, что нормативное обособление случаев несогласованного получения данных о частной жизни служит для ряда ученых поводом для вывода о видовом разнообразии такой *информации* по волевому критерию: к примеру, Э. П. Гаврилов, комментируя положения абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, относит информацию, которая может быть использована в публичных интересах, к одной из трех особых категорий, выделяемых «из объема ... информации» о частной жизни [6, с. 19]; применительно к геномной сфере сходным образом рассуждает М. Н. Малеина, разграничивая, исходя из отношения человека к сбору геномной информации, сведения, полученные независимо от его желания, и информацию, представленную добровольно [7, с. 53]. Соглашаясь с теоретической и практической оправданностью размежевания связей по волевому признаку, подчеркнем, что объектом градации здесь все-таки выступает не информация *per se* (хотя объем ее правомерного получения, разумеется, может и должен рубрицироваться с учетом указанного фактора), а собственно *сбор, хранение и т. д.* информации.

Исследуемое законоположение, явно нацеленное на обеспечение относительного баланса частных и публичных интересов в информационной среде (что само по себе заслуживает, как представляется, позитивной оценки), может быть подвергнуто критике⁴, поскольку, в частности:

1) не до конца ясным оказывается момент его смысловой *интерпретации в ракурсе «взаимодействия» с нормой абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ* (являет ли собой разбираемое «ослабление» прямо предусмотренное законом *изъятие* из действующего по умолчанию разрешительного порядка либо речь идет об особом, *кумулятивно применяемом правиле?*); в этом контексте редакционно более «внятным» и удобным для правоприменителя является подход, избранный законодателем в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ (где сначала заявляется о необходимости получения согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, а затем называются случаи, когда «такое согласие не требуется»).

Тем не менее идея законодателя достаточно «осязема» – в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ подра-

⁴ Приводимые ниже критические замечания в целом приложимы и к иным названным в абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ ситуациям обращения с информацией независимо от (не)дачи согласия ее носителем (общедоступность информации и пр.).

зумеваются допущение сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни лица *без его ведома*; именно такое толкование небесспорно является «шаблонным» в доктрине (так, по мнению Э. П. Гаврилова, исходя из публичных интересов, «использование... информации изымается из сферы... частного... права, оно регулируется нормами публичного права, которое уже *не зависит от согласия... гражданина*» [6, с. 19]);

2) нормативное предписание является слишком широким и неопределенным («аморфным») и дает судам и правоохранительным органам чрезмерную дискрецию, учитывая:

а) **отсутствие** какой-либо **дифференциации регулирования** с точки зрения вида (характера) совершаемых по поводу информации действий (сбор, распространение и пр.), хотя во многих ситуациях, уверенны, оправданными могут быть только некоторые не прошедшие согласование с носителем информации операции;

б) **абстрактность моделирования** ситуаций (незвизирая на то, что в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, как уже говорилось, упоминается об обязательности *прямого* законодательного указания!) – их квалификация в качестве правомерного поведения должна производиться посредством **выявления публичного интереса**, в то время как понятие последнего во многом носит *оценочный характер*.

Вообще термину «публичные интересы», активно используемому в гражданском и ином законодательстве, в настоящее время обычно придается статус *родового понятия*, причем:

во-первых, в круг «обнимаемых» им интересов попадают (и разводятся) такие разновидности, как государственные и общественные интересы; в итоге оформляется своеобразная «триада» публичных интересов – государственных, общественных и всех иных. Данный прием их систематизации является «эталонным» (см., например, п. 1 ст. 152.1, п. 1 ст. 1362 ГК РФ); правда, нередко законодатель попросту не прибегает к какой-либо градации публичных интересов (см., в частности, п. 4 ст. 166, п. 2 ст. 168 ГК РФ);

во-вторых, перечень возможных публичных интересов формулируется неисчерпывающим образом (что, пожалуй, неизбежно).

Главный же «камень преткновения» – надлежащее определение и детализация параметров, позволяющих отграничить публичные интересы от интересов иной природы. Значимые (пусть и опять же довольно абстрактные) правовые позиции на сей счет сформулированы в судебной практике для, в частности, отношений по поводу обнародования и использования изображения гражданина: суды здраво придерживаются линии, в соответствии с которой публичный интерес присутствует, к примеру, тогда, когда гражданин является публичной фигурой и (одновременно!) обнародование и использование его изображения осуществляется в сопряжении с политической или общественной дискуссией либо интерес к данному лицу является общественно значимым (и, напротив, режим согласования сохраняет потенцию, если единственной

целью выступает удовлетворение бытового интереса к частной жизни или извлечение прибыли; применительно к средствам массовой информации особо подчеркивается, что как общественный⁵ стоит трактовать не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, скажем, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде (см. пп. 25, 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Между тем, как нетрудно увидеть, приведенные разъяснения являются фрагментарными и, в частности, мало приложимыми к ситуациям использования геномной информации;

в) «**молчание**» ГК РФ **касаемо принятия в расчет каких-либо дополнительных факторов** для целей указанной квалификации (притом что ст. 24 Конституция РФ вовсе не предусматривает возможности введения законом случаев неполучения согласия на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица; символично, что в литературе аргументируется мнение, в соответствии с которым обсуждаемая «норма... фактически противоречит... основополагающим конституционным принципам и общепринятым нормам международного права...» [8]).

В русле изложенного ученые и практики небеспричинно высказывают соображения в пользу целесообразности корректировки законоположений и (или) совершенствования судебной практики (ведь неочевидность контента и соотношения ключевых юридических понятий, как небезосновательно пишет Ю. С. Забудько, «создают... предпосылки и условия для вмешательства в частную жизнь граждан и нарушения права на ее неприкосновенность, как со стороны государства... так и многочисленных общественных объединений» [8]). Мера «радикальности» **рекомендуемых новаций** различна – озвучиваются, помимо прочего, предложения:

а) об **исключении** (вообще!) из п. 1 ст. 152.2 ГК РФ оговорки о публичных интересах (в Государственную думу, кстати, внесен соответствующий законопроект [9]);

б) о необходимости установления замкнутого и конкретного набора случаев, при которых допускается нивелирование действия согласительной процедуры [8];

в) о потребности в разработке «...отсутствующих в российской доктрине и судебной практике четких критериев публичности лиц и дифференцированного подхода к рассмотрению споров, а *не в исключении публичного интереса* из ст. ... 152.2 ГК РФ» [9].

⁵ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300 (с послед. изм и доп.)), в отличие от ГК РФ, не оперирует термином «публичный интерес», оговаривая возможность не санкционированного гражданином распространения информации о его личной жизни для защиты *общественных* интересов (см. ст. 49, 50).

Полагаем, что безусловный и тотальный **отказ от использования категории «публичный интерес» едва ли возможен** и целесообразен (тем более, что обращение к данному понятию в целях выработки сбалансированных нормативных решений является весьма распространенным при централизованном нормировании самых разных сегментов общественных отношений). Это, однако, совершенно **не исключает востребованности:**

а) формулирования и законодательной **фиксации «алгоритмов» признания факта наличия публичного интереса** (обобщенно и контекстно) в развитие предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ условий «умаления» прав и свобод человека и гражданина («в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»);

б) **установления ограничений субъектного, целевого, организационного и иного толка** для случаев сбора, хранения, распространения и использования «интимной» информации в публичных интересах.

В отношении геномной информации поставленная проблематика особенно актуальна в свете предстоящей всеобщей генетической паспортизации российского населения и формирования его генетического профиля (эта суперамбициозная задача, напомним, четко озвучена в подп. 8 п. 13 Основ государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утв. Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97⁶); при этом, хотя «темпы развития геномной регистрации... в нашей стране не соответствуют современным требованиям» («...в федеральной базе данных находятся ДНК-профили менее 1 % населения России»), делаются первые шаги в заявленном направлении, в частности, уже запрограммировано «создать три генетических центра мирового уровня, на строительство и запуск которых запланировано потратить 12,2 млрд рублей» [10, с. 104–105]. Крайне симптоматично, что со-

временные экспертные опросы демонстрируют глубокие опасения по части соблюдения прав человека и гражданина при проведении геномных исследований [11, с. 51].

Думается, что **игнорирование принципа добровольности при проведении всеобщей генетической паспортизации**, даже памятуя о реальности и весомости угроз химической и биологической безопасности, **необоснованно** и **ущербно** (не может быть объяснено только ссылкой на присутствие публичного интереса); кроме того, здесь надлежит принимать во внимание наступление серьезных последствий в плане обеспечения конфиденциальности информации, охраняемых в формате специальных режимов тайны (например, тайны усыновления, поскольку «создание индивидуальных карт, генетическая паспортизация, – как справедливо подмечает О. В. Романовская, – ...приведут к тому, что вопрос об отсутствии генетической совместимости с родителями будет постоянно подниматься при обращении усыновленного к врачу» [12, с. 40]).

Любопытным и в общем **приемлемым видится ограничительный подход** (предполагающий наличие пределов усмотрения по поводу легализации «принудительного» сбора информации о частной жизни), получивший поддержку у Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, в «нашумевшем» казусе, рассмотренном в 2008 г. ЕСПЧ по жалобам S. and Marper v. United Kingdom (№ 30562/04, 30566/04), «Соединенное Королевство обвинялось в незаконном хранении образцов ДНК людей, которые по итогам расследования были признаны невиновными... После вынесения решения ... не только Великобритания, но и другие члены Совета Европы приняли решение об удалении *излишне* собранных образцов ДНК» [3, с. 643] (это очень важно, имея в виду не только защиту права лица на приватность, а и неожиданное появление новых страшных угроз «кражи генетической идентичности» [5, с. 26]). Не сомневаемся, что формирование генетических баз данных должно осуществляться на основе сочетания принципов обязательности и добровольности, а равно сопровождаться повышением уровня конфиденциальности геномной информации.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

Библиографический список

1. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41025827>.
2. Westin A. Privacy and Freedom. New York: Atheneum, 1967. 487 p.
3. Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649>.
4. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Анализ возможного применения к регулированию отношений по поводу генетической информации институтов персональных данных, личной тайны, врачебной тайны // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 4. С. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.143-151>.
5. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. 2019. № 6. С. 18–29. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029>.
6. Гаврилов Э. П. Гражданско-правовая охрана частной жизни гражданина: комментарий к ст. 152.2 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 4 (447). С. 17–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23999083>.

7. Малеина М. Н. Понятие и классификация геномной (генетической) информации // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 7. С. 50–58. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058>.
8. Забудько Ю. С. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны и его законодательные ограничения: сравнительно-правовая характеристика // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 5. С. 8–12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21526271>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77008-konstitucionnoe-pravo-neprikosnovennost-chastnoj-zhizni-lichnoj-semejnoj>.
9. Алейникова В. В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // *Закон*. 2019. № 7. С. 183–195. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38590008>.
10. Ширшов Б. В., Синенко В. Д. К вопросу о всеобщей геномной паспортизации граждан в Российской Федерации // *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной науч.-практ. конф. (Волгоград, 2 июня 2020 г.)*. Москва: Спутник+, 2020. С. 103–106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44271514>.
11. Серебрякова А. А., Холопова Е. Н. Генетическая паспортизация населения и возможности ее осуществления // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 3. С. 51–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43419898>.
12. Романовская О. В. Тайна усыновления в российском праве // *Гражданин и право*. 2015. № 12. С. 29–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25031266>.

References

1. Ruzanova V. D. *Problemy sootnosheniya zashchity prava na neprikosnovennost' chastnoi zhizni i prava na zashchitu personal'nykh dannykh* [Problems of correlation of the protection of the right to privacy and the right to protection of personal data]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 9, pp. 17–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41025827> [in Russian].
2. Westin A. *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum, 1967, 487 p. [in English].
3. Berg L. N., Golubtsov V. G. *Napravleniya pravovogo vozdeistviya v sfere genomnykh issledovaniy: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Areas of Legal Impact in the Field of Genomic Research: Russian and International Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2020, issue 50, pp. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649> [in Russian].
4. Rassolov I. M., Chubukova S. G., Mikurova I. V. *Analiz vozmozhnogo primeneniya k regulirovaniyu otnoshenii po povodu geneticheskoi informatsii institutov personal'nykh dannykh, lichnoi tainy, vrachebnoi tainy* [Analysis of possible application of personal data, personal secrets, and medical confidentiality to the regulation of relations concerning genetic information]. *Lex Russica*, 2020, no. 4 (161), pp. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.143-151> [in Russian].
5. Bogdanova E. E. *Pravovye problemy i riski geneticheskoi revolyutsii: geneticheskaya informatsiya i diskriminatsiya* [Legal Problems and Risks of Genetic Revolution: Genetic Information and Discrimination]. *Lex Russica*, 2019, no. 6, pp. 18–29. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029> [in Russian].
6. Gavrilov E. P. *Grazhdansko-pravovaya okhrana chastnoi zhizni grazhdanina: kommentarii k st. 152.2 GK RF* [Civil protection of private life of a citizen: commentary to Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2014, no. 4 (447), pp. 17–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23999083> [in Russian].
7. Maleina M. N. *Ponyatie i klassifikatsiya genomnoi (geneticheskoi) informatsii* [The Concept and Classification of Genomic (Genetic) Information]. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 7, pp. 50–58. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058> [in Russian].
8. Zabu'd'ko Yu. S. *Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni, lichnoi i semeinoi tainy i ego zakonodatel'nye ogranicheniya: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika* [Constitutional right to the inviolability of private life, personal and family secrets and its legislative restriction: legal comparison]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2014, no. 5, pp. 8–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21526271>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77008-konstitucionnoe-pravo-neprikosnovennost-chastnoj-zhizni-lichnoj-semejnoj> [in Russian].
9. Aleynikova V. V. *Okhrana chastnoi zhizni grazhdanina (st. 152.2 GK RF): teoreticheskii i pravoprimeritel'nyi aspekty* [Protection of privacy (Art. 152.2 of Russian Civil Code): theory and law enforcement]. *Zakon*, 2019, no. 7, pp. 183–195. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38590008> [in Russian].
10. Shirshov B. V., Sinenko V. D. *K voprosu o vseobshchei genomnoi pasportizatsii grazhdan v Rossiiskoi Federatsii* [On the issue of universal genomic passporting of citizens in the Russian Federation]. In: *Aktual'nye voprosy okhrany obshchestvennogo poryadka i administrativnoi deyatel'nosti politzii: materialy mezhdvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Volgograd, 2 iyunya 2020 g.)* [Topical issues of protecting public order and administrative activities of the police: materials of an interdepartmental research and practical conference (Volgograd, June 2, 2020)]. Moscow: Sputnik+, 2020, pp. 103–106. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44271514> [in Russian].
11. Serebryakova A. A., Holopova E. N. *Geneticheskaya pasportizatsiya naseleniya i vozmozhnosti ee osushchestvleniya* [Genetic passporting of the population and the possibility of its implementation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2020, no. 3, pp. 51–54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43419898> [in Russian].
12. Romanovskaya O. V. *Taina usynovleniya v rossiiskom prave* [The secret of adoption in Russian law]. *Grazhdanin i pravo*, 2015, no. 12, pp. 29–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25031266> [in Russian].